

СОДЕРЖАНИЕ

ПАПКА ПЕРВАЯ

Распечатки, найденные в магазине «Лакония»

Свидетель № 3	13
Свидетель № 4	33
Свидетель № 5	60
Свидетель № 6	79

ПАПКА ВТОРАЯ

Хельсинки — Болонья — Хельсинки

Приличный зазор для тайн	93
Её занимали самые разные вещи	99
Вселенная со всем её содержимым	108
Во время такого звонка	114
Вольное изложение того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной	116
Продолжение вольного изложения того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной	121
Окончание вольного изложения того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной	129
Ламповая фантастика с прифигевшей молодой протагонисткой	133

ПАПКА ТРЕТЬЯ

К истории мёртвого русского

Творчество Вити Орлова	141
Визит Натальи Рябиковой	150
Удел полуслеплого бегемота	159
Попутчики Андрея Закирова	163
Книга Виты Яновской	169
Родина Виты Яновской	173
Остатки латышской повести	180

ПАПКА ЧЕТВЁРТАЯ

Хельсинки — Казахстан — Хельсинки

Случилось что-то дикое	195
Тайна сидела у себя в кабинете	200
Литр сметаны, молоко и кефир	204
У нас уже много информации	210
Я не думала, что будет так ужасно	215
Папа её обманул	220
Мозаика с летящим космонавтом	227

ПАПКА ПЯТАЯ

Монреаль — Караганда — Алматы — Восточно-Сибирское море

Свидетельница № 7	235
Подарок Наума Самойловича	241
Легенда всесоюзного значения	248
Можно только уйти	256
Наступает новое время	259
Остров Беннета	266
Примечание курсивом	273

ПАПКА ШЕСТАЯ

Хельсинки — где-то — Хельсинки

Vitun noosfääri	279
-----------------------	-----

Да проходите же вы	283
Съезд кунсткамерных уродцев	288
Она любила этот мир и кролика Олифанта	293
В Парке писателей	298
Листки из журнала «Уральский следопыт»	306
Это я. Совершенно точно	311
Наводки бывают разные	315

ПАПКА СЕДЬМАЯ

Записки фан-клуба л-ских писателей

Дневник Иммы Боццини	323
Рукопись Лукреции Д'Агостини	342
Отчёт Тайны Лайтинен	357
Записка Лиисы Гревс	367
Кассеты Виты Яновской	374

ПАПКА ВОСЬМАЯ

Август Даши Кожемякиной

Отсрочка до двадцать первого	409
Какая, for fuck's sake, Россия?	413
Меня тоже сделали	423
Будущего почти не осталось	428
После вечера откровений	434
Сёстры Стругацкие	442
Встреча с Лоттой Йюкинен, сотрудницей полиции безопасности Финляндии	445
Двадцатого августа	456
Даже monsieur Verne	462
Жер планетасы	469
День появления на свет	483
Примечания	507

СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ПЛП — «Повести л-ских писателей».

ЗНТМИ — запрещено говорить на территории
Московской империи.

ПАПКА ПЕРВАЯ

Распечатки, найденные
в магазине «Лакония»

СВИДЕТЕЛЬ № 3

Негина Елена Николаевна

Борск, 1983/84

Год и место рождения: 1970, Кострома-17 (с 1994 г. — Борск).

В 1989–2002 гг. проживала в Горьком/Нижнем Новгороде.

С 2002 г. живёт в Калининграде.

Профессия: менеджер по персоналу на автосборочном заводе
(с 2012 г.).

Образование: высшее техническое.

Даты наводки: 5 сентября 2018, 21 января 2019.

Дата беседы: 16 марта 2019.

Мои родители были режимные физики. Мама рассчитывала что-то сверхсекретное у себя в институте. Папа на Новую Землю ездил бомбы взрывать. Ну, то есть никто мне тогда не говорил, конечно, что на Новую Землю и что бомбы. Просто: «Папа в экспедицию уехал». Иногда на три месяца, иногда на четыре. Когда мы «за зону» ездили — к родственникам в Москву или на Чёрное море летом, — мама мне напоминала обязательно: «Я работаю бухгалтером, а папа геолог, ищет молибден». Это для чужих, для случайных знакомых такая версия была.

Слово «молибден» моих «засонных» сверстников очень впечатляло. Никто про молибден не знал ничего, все кивали с серьёзным видом. Можно было вешать им на уши, что на

язык попадёт. Космические корабли, супербатискафы какие-то для исследования глубин Тихого океана. У меня с фантазией никогда проблем не было. Поэтому и боюсь вам сейчас при-врать. Про детство сами же, наверно, знаете, как трудно рассказывать честно: зазеваешься немножко, дашь себе волю — и уже наврал с три короба.

Из того же места, из фантазии неуёмной, растёт моя любовь к фантастике. Реалистическая проза, книжки, где всё «как в жизни», включая нашу великую-могучую классику, — мне в таких книжках всегда тесно было и душно. Как будто степеней свободы не хватало. У меня в институте лучшая подружка была, Иля Асадуллина (мы с ней до сих пор общаемся). Она, когда мы только познакомились, Чеховым бредила и Бунным. И ставила мне на вид постоянно: «Ленка, ну когда ж ты повзрослеешь? Сколько можно эти сказки читать?» По юности всё это ведь страшно важным кажется: что читаешь, что слушаешь, кино какое смотришь... Я даже стеснялась одно время. Фантастику втихую от Ильки читала. Книжку Азимова стыдливо оборачивала газеткой...

А потом прочитала где-то, в предисловии к роману какому-то, что реалистическая литература — это с исторической точки зрения аномалия. Ведь тысячи лет вся литература состояла из небылиц. Считалось абсолютно нормальным, что в историях полно богов, полно чудес, животные разговаривают. Призраки ходят по крепостной стене. Только в Новое время возникла эта странная идея, что нельзя фантазировать как хочется, что нужно фантазировать строго по правилам. Что нужно тупо реальность имитировать, если хочешь быть серьёзным писателем.

Короче говоря, реализм — это не норма жизни. Это новомодный вывих в истории мировой литературы. Вот так вот. Когда я это прочла, у меня прямо эйфория была. Все комплексы насчёт фантастики сняло как рукой.

А в детстве никаких комплексов на этот счёт у меня и тогда не было. Мне повезло, наверно. Это я уже потом, взрос-

лая, поняла. Повезло, что мама была физик, и что школа наша, третья, была с физическим уклоном, и весь город кишел учёными, среди которых довольно много было женщин. Поэтому никого особенно не корёжило, что боже ж ты мой, какой ужас, девочка фантастику читает, ходит в ракетно-модельный кружок, бортинженером хочет быть на станции «Салют». Её ж, дуру такую, замуж никто не возьмёт! Мне мозги не полировали на эту тему никогда.

Правда, бабушка Катя московская, папина мама, сокрушалась, что я в штанах вечно хожу. (У меня, по-моему, в старших классах и юбки-то ни одной нормальной не было, кроме школьной.) Так и слышу, как она восклицает со своей театральной интонацией: «Не девица, а фарцовщик!» Мне родители по большому благу джинсы достали хорошие итальянские... Но к моим увлечениям бабушка Катя никогда не придиралась. Наоборот, я с ней даже влияние невесомости на человеческий организм обсуждала. Она врачом всю жизнь проработала, могла за чаем целую лекцию по физиологии прочесть как с листа.

В Борске... У нас, кстати, всегда говорили «Борск». Другие названия — Кострома-17, Кострома-72, Краснозвёздный — это в документах только было, да и то в секретных. А говорили только Борск. До войны, до основания города там деревня была, называлась Лисий Бор. Из неё, видимо, «Борск» и получился. Стихийно...

Книжный магазин в Борске всё моё детство был один: на площади Ленина. Он и сейчас на том же месте, я вам фотографию найду в интернете. Так, секундочку...

Вот, на углу здания, видите? Крыльцо с треугольным козырьком? Это одно из первых зданий в городе, в самом начале пятидесятых построено. Уже при Горбачёве второй книжный открылся в одном из новых микрорайонов, в позднесовковом стиле. После этого их начали различать: «Новый книжный» и «Книжный на площади». Но это за считанные месяцы до моего отъезда в Нижний случилось. Так что «Новый книжный» — это уже не моя история.

В старом книжном, в «Книжном на площади»... Бог ты мой, там же ещё и запах этот был... Он исчез потом, в нулевые уже, после евроремонта. Вы ведь представляете себе запах советского книжного? Такой... плотный... бледно-фиолетовый с оранжевыми пятнышками тут и там. Дразнит и успокаивает одновременно... Вы не пугайтесь, у меня синестезия просто. Довольно редкая разновидность: я запахи «вижу» в цвете. Не все запахи. Но промышленные, химические — их очень часто «вижу».

В восьмидесятые три отдела было в книжном. Налево, как входишь, начинался самый большой, с официальной литературой. Партийные брошюры, всяческий политиздат, какие-то бесконечные серии про революцию. Стояли, пыль собирали. Этот отдел никого не интересовал. Всех интересовал отдел подписных и дефицитных изданий — он был как бы в глубине основного зала, надо было пройти мимо стеллажей с партийной бурдой. Туда приходили хорошие книжки, по две-три штуки, и их сразу расхватывали. Самое удивительное, что расхватывали по-честному, в явочном порядке: кому повезёт, тот и хапнет. То есть без блата совсем.

Это, я думаю, с продавцом отдела было связано. Игорь Трофимович звали продавца. Вылитый книголюб-интеллигент: очки с круглыми стёклами, борода аккуратная сступающей сединой. Начитанный до умопомрачения. Видно было, что не просто на работу ходит, а любимым делом занимается. Держался со всеми приветливо, но дистанцию соблюдал. Невозможно было представить, что кто-то может к Игорю Трофимовичу подойти и сказать: «Игорь Трофимыч, у нас полочка одна недозаполнена в чешском гарнитуре. Не отложите мне Стэндаля по старой дружбе? Я вам с путёвочкой в Болгарию помогу». Совершенно за гранью воображения было такое. Поэтому, я думаю, никто к Игорю Трофимычу и не подходил с такими просьбами.

Максимум, до чего он мог опуститься, — это сказать: «Знаете, у нас во вторник будут новые книги, подходите, мо-

жет быть, вас что-нибудь заинтересует». Он ко всем обращался на «вы» — ну, кроме совсем уж младших школьников, наверно.

У меня так и звенит в памяти: «Вы, Лена...», «Вам, Лена...» А Лене, представьте, тринадцать лет, Лена удрала с физкультуры, потому что ну физкультура же! И потому что новые поступления в книжном обещаны. Лена месяц на полдниках экономила, пятнашки откладывала карманные, чтоб «Лунную радугу» купить какую-нибудь... Вбегаю, запыхавшаяся вся, руками в фартук вцепившись: «Здравствуйте, Игорь Трофимыч!» «Доброе утро, Лена! Что же вы опять пренебрегаете своим ученическим долгом...» Он всегда с высокопарными оборотами говорил. Как будто бы строго, но на самом деле совсем не строго...

В Борске, вы не подумайте, народ так-то вежливый был, воспитанный. Всё-таки учёные сплошные, техническая интеллигенция. Но Игорь Трофимович даже на этом фоне был особенный. Ну, мне казалось, что особенный, по крайней мере. Я нигде больше, ни от каких больше взрослых такого уважения не чувствовала, элементарного уважения ко мне как личности, которое подростку так нужно. Особенно по сравнению со школой. В школе-то меня песочили постоянно. За упрямство, за своенравие...

Ой, увлеклась воспоминаньями. Чуть не забыла про третий отдел. А ведь в нём-то всё и случилось. Именно там в руки мне попал сборник, который вы ищете.

Этот отдел, комиссионный отдел, был справа, как войдёшь. В него сдавали старые книги и периодику. Там часто маячил определённый контингент, комиссионная мафия: три или четыре человека в общей сложности, все мужчины, суетливой такой наружности. Стоят, листают без конца, что на прилавке разложено. Якобы им интересно. Только кто-нибудь с книгами появится — они оживляются сразу, шеи выгибают, подходят. И вежливо так: «Здравствуйте-здравствуйте, а давайте мы посмотрим, что у вас». С таким подтекстом, что не спешите сдавать, мы вам за ценный экземпляр больше отстегнём.

Игорь Трофимыч к комиссионному отделу отношения не имел. Там был другой продавец, женщина. Не помню, к сожалению, имени. Помню, что рост у неё был небольшой, не выше меня тринадцатилетней. Ещё волосы иссиня-чёрные и лицо смугловатое, южное, с крупным носом. У нас мало таких лиц мелькало в Борске. Почти все жители были типичные славяне восточные — что по физиономии, что по паспорту. Русские, украинцев немножко. Белорусы тоже были, наверно. Эту расовую чистоту в Борске поддерживали с основания города. Считалось наверху, что остальные национальности неблагонадёжные, их нельзя к бомбе подпускать, все секреты сразу американцам разболтают.

Продавщица комиссионного отдела мне долгое время не нравилась. Вернее, мне не нравилось, что она мафию свою листающую не разгоняет. Я пусть и своенравная, но всё равно же маленькая была: побаивалась взрослых мужиков, которые там толкались. И побаивалась, и вообще не любила их, потому что они все хорошие книжки перехватывали, фантастику в том числе. Можно было даже на прилавок не смотреть.

Но, как говорится, в один прекрасный день... Я в седьмой класс ходила. Наверно, зима была. Зимой в седьмом классе я много болела, постоянно была освобождена от физкультуры. Поэтому во время физры в библиотеке сидела (у нас чудесная была в школе библиотека) или неслась в книжный с чистой совестью, с Игорем Трофимычем общаться... Если по годам смотреть, получается конец восемьдесят третьего — начало восемьдесят четвёртого. Не могу, к сожалению, вспомнить, умер Андропов на тот момент или ещё не умер.

Так или иначе, прибегаю я в книжный. Утро или начало дня. В магазине пусто. Из комиссионной мафии — никого. Настоящий праздник на Лениной улице! Вместо мафии стоит в комиссионном отделе женщина. Молодая, вряд ли сильно старше тридцати. Может быть, я бы девушку в ней увидела, а не женщину, если б сама тогда была постарше. И вот интересная деталь: одета она была странно. Хоть убейте, не помню,

как именно, но помню: глаз было не оторвать. Как-то явно не по-нашему, не по-борски она выглядела.

Так я, наверно, и стояла, глазела на неё исподтишка. А она разговаривала с продавщицей комиссионного отдела. Вдруг продавщица меня замечает и подзывает к себе: «Леночка, подойди-ка сюда. Тут как раз по твоей части принесли». А я и не подозревала даже, что она знает, как меня зовут, не говоря уже о моих литературных пристрастиях. Но подошла, конечно. Что там, дескать, у вас такое по моей части.

Книга называлась «Фантастические повести латышских писателей». В этом я уверена на девяносто девять и девять десятых. Поймите, книга была у меня на руках целую неделю. Я раза три прочитала её от корки до корки. Засыпала с ней, просыпалась с ней. В школу брала. До жути боялась потерять, но всё равно брала. Не могла с ней расстаться ни на минуту. Хотелось начитаться ею впрок, напиться ею. Как будто чувствовала, что отнимут её у меня.

Это во-первых. Во-вторых, почему я уверена, что писатели были латышские: потому что маму расспрашивала про Латвию потом. Они с папой ездили на Рижское взморье после свадьбы, когда меня ещё не было. Две недели жили в каком-то посёлке к северу от Риги — не помню названия. И я долго, долго приставала к маме после того, как сборник прочитала: а как там в Латвии, а что за люди латыши, а давайте летом в Ригу поедem. Я надеялась, что в Риге эту книжку проще будет найти, раз она латышская.

Можете даже у моей мамы справки навести. Она вспомнит, как я на Латвии была помешана в седьмом классе. Всей семьёй мы так туда и не выбрались, но году в девяносто первом родители снова ездили вдвоём в тот же посёлок — по боевым местам своей молодости. Мама говорила, что это из-за моих распросов и приставаний. Из-за них у неё в голове засела идея вернуться в Прибалтику на их с папой серебряный юбилей.

А я сама... Я, если честно, вряд ли бы сегодня в Калининграде жила, если б не латышская фантастика. Конечно, всем